

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И СИТУАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Б. ПАСТЕРНАКА «ДЕТСТВО ЛЮВЕРС»)

Рассмотрена роль ситуации восприятия в когнитивном моделировании макроситуации текста. Установлено, что перцептивные ситуации представлены в повести системой полипропозитивных комплексов, которые имеют общие структурно-семантические признаки и выполняют стабилизирующую функцию в тексте монтажного типа. Проанализирована система лексических и грамматических средств, использование которых не только показывает эволюцию детского восприятия, но и отражает установку автора на особый тип повествования.

Ключевые слова: когнитивное моделирование; ситуация восприятия; макроситуация; полипропозиционный комплекс; индуктивно-дедуктивная модель; текстообразующий потенциал.

Введение. Развитие антропоцентрического подхода к языку сделало возможным рассматривать восприятие как индивидуальный способ интерпретации действительности (Л.В. Щерба, А.А. Потебня, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, А. Вежицкая и др.). В широком смысле восприятие – это любое взаимодействие человека с внешним миром (физиологическое, психологическое, ментальное и т.д.).

В терминологии А.В. Бондарко процесс восприятия определяется как перцептивная ситуация. В ее модели обязательно наличие субъекта и объекта восприятия, каждый из которых обладает системой своих свойств, имеет свой статус и функции. Между ними складывается определенная система отношений, развивающихся в условиях пространственно-временного континуума текста [1. С. 277]. «Восприятие представляет собой основную когнитивную активность, порождающую все остальные виды». В нем встречаются когнитивная активность и реальность [2. С. 72].

Когнитивное моделирование рассматривается в статье и как механизм познания действительности, и как модель и форма отражения одновременно (см. работы: Е.С. Кубряковой [3], И.И. Ревзина [4], Т.А. ван Дейка [5] и др.). Процессы восприятия, отражения и познания находятся в неразрывной связи друг с другом и в результате взаимодействия дают нам определенное представление об особенностях индивидуально-авторского восприятия. Опираясь на двухактантную структуру пропозиции восприятия, включающую субъект и объект, ученые большое внимание уделяют способам и средствам отражения в языке перцептивной ситуации путем выявления наиболее типичных языковых структур и моделей [6–8]. Чаще всего основу синтаксической модели ситуации восприятия образует предикат, от семантики, грамматической формы, валентностных свойств которого зависит выбор языкового выражения субъекта и объекта восприятия [9–12].

Цель статьи – показать особую роль ситуации восприятия в когнитивном моделировании и ее текстообразующий потенциал в повести Б. Пастернака «Детство Люверс».

Связь восприятия с процессами отражения и познания несомненна. Восприятие перцептивных обра-

зов с помощью слуха, зрения, осязания определяет специфику картины мира субъекта. Являясь начальной ступенью познания, восприятие не меняет мира, восприятие меняет воспринимающего, так как «перцептивный» след сохраняется в сознании [2. С. 72]. То, что мы вспоминаем позднее – тот же объект (или событие), или его значение, или ситуация его восприятия нами. Мы не можем вспомнить то, что мы не воспринимали [Там же. С. 95]. Это положение во многом определяет особенности когнитивного моделирования в повести «Детство Люверс». Воспоминание актуализирует ситуацию восприятия. Память предполагает simultaneity, избирательность сохранившихся образов, каждый из которых строится по определенной схеме: воспринимаемый объект вызывает некое ощущение, состояние, ранее пережитое героем. Сильное впечатление активизирует механизмы памяти и вытаскивает из подсознания череду воспоминаний, которые определяются «глубиной биографического отпечатка» [13. С. 339]. Под влиянием механизмов памяти ситуации восприятия задают определенную стратегию реализации авторского замысла, выполняют смыслообразующую и структурообразующую роль в тексте, структурируют осознание героиней происходящего в системе возникающих доминантных смыслов. «*Люверс родилась и выросла в Перми. Как когда-то ее кораблики и куклы, так, впоследствии, ее воспоминания тонули в мохнатых медвежьих шкурах, которых много было в доме*» [Там же. С. 82].

В качестве основной единицы анализа текста в статье используется полипропозитивный комплекс – результат концептуализации и категоризации мира и языка в его интерпретационном, субъективном варианте, представляющий субординатный способ категоризации ментальных репрезентаций. Это понятие является двусторонним, так как в плане выражения оно связано с совокупностью предложений, а в ментальном плане представляет «ментальную модель события» [14]. По своим функциональным признакам полипропозитивный комплекс сближается с понятием монтажного фрагмента, который может быть организован автором со сдвигом в сторону показа наблюдаемого или слышимого, с разной степенью его подробности и обнаружения своего присутствия

[15]. Полипропозитивный комплекс соотносится с понятием «модель ситуации», предложенным Т.А. ван Дейком в качестве основы интерпретации текста [16]. Полипропозитивный комплекс возникает в результате интерпретации субъектом познания фрагментов действительности, связанных между собой определенными отношениями (взаимообусловленности, параллелизма, включенности и т.д.). Он обладает концептуально значимой семантикой и объективируется системой синтаксических конструкций. Объединение нескольких событий в едином фрагменте осуществляется на уровне концептуальной интеграции, которая предполагает объединение ментальных пространств на определенном уровне абстракции в смешанное пространство [17]. Интеграция происходит по определенной схеме: из исходных пространств вычлняются некоторые сходные характеристики, которые организуют общее пространство, составляющее часть смешанного пространства на основе соединения концептуальных характеристик, формирования нового пространства с привлечением фоновых знаний и ментального моделирования в соответствии с логическими структурами. Смешанные пространства не сводимы к сумме характеристик исходных пространств [18]. Результат смешения подвергается со стороны читателя вторичной интерпретации получаемой информации. Сосредоточение внимания читателя на нескольких событиях как едином, интегрированном фрагменте предполагает их одновременное осмысление.

Следует отметить, что в условиях художественного дискурса на авторскую речемыслительную деятельность оказывают влияние система внешних стимулов и внутренние «установки на лингвокреативность» (исходное стремление творческой личности находить средства смыслового и эмоционально-чувственного выражения, выходящие за устойчивую периферию узуального смыслообразования). Следствием этого являются смысловые модификации, которые могут достигать предельного искажения, затрудняющего читательское понимание художественного текста и его интерпретацию [10. С. 130].

Гипотеза исследования состоит в том, что структуру макроситуации¹ текста составляют полипропозитивные комплексы с семантикой восприятия, представляющие значимые фрагменты текста. Полагая, что их выбор обусловлен особенностями механизма памяти, хранящей моменты, связанные с наиболее сильными впечатлениями. Внутренняя структура полипропозитивных комплексов отражает специфику процесса восприятия и постижения мира, обладает некоторыми признаками регулярности, строится по индуктивно-дедуктивной модели, обращенной к факту и его обобщению. Полипропозитивные комплексы с семантикой восприятия обладают текстообразующим и смыслообразующим потенциалом и стабилизирующей функцией в тексте монтажного типа [19. С. 13]. Выделение в тексте повести полипропозитивных комплексов с концептуальной семантикой восприятия, связанных между собой на основании авторского сознания, памяти, воли, дает

возможность говорить о наличии особой когнитивной модели макроситуации текста.

Процесс когнитивного моделирования в повести «Детство Люверс» обусловлен прагматической установкой автора на воссоздание особого способа восприятия и освоения действительности юной героиней: «Я решил, что буду писать, как пишут письма, не по-современному, раскрывая читателю все, что думаю и думаю ему сказать, воздерживаясь от технических эффектов, фабрикуемых вне его поля зрения и подаваемых ему в готовом виде, гипнотически и т.д. Я, таким образом, решил дематериализовать прозу и, чтобы поставить себя в условия требовавшейся объективности, стал писать о героине, о женщине с психологической генетикой, со скрупулезным повествованием о детстве и т.д.» [20. С. 807].

Формулируемая автором установка на особый тип повествования делает ситуацию восприятия организующим смысловым центром повести «Детство Люверс».

Объектом исследования стали полипропозитивные комплексы, отражающие ситуацию восприятия с учетом точки зрения двух воспринимающих сознаний – героини и автора. Процесс моделирования осложняется двойным кодированием рефлексии авторского сознания на реалии окружающего мира (глазами взрослого человека и глазами ребенка). Пастернак определяет свою задачу следующим образом: «показать, как складывается в сознании момент абстрактный, к чему это впоследствии ведет и как отражается на характере» [Там же]. Это во многом обуславливает структурные особенности когнитивной модели макроситуации текста, которая условно может быть определена как процесс познания мира ребенком, погруженным в пространство жизни: «Жизнь посвящает очень немногих в то, что она делает с ними. Она слишком любит это дело и за работой разговаривает разве с теми только, кто желает ей успеха и любит ее верстак. Помочь ей не властен никто, помешать – может всякий [13. С. 84]».

Семантика перцептивной ситуации осложняется рефлексией, показывающей процесс взросления героини. Возникающее выводное знание ребенка и взрослого может не совпадать, так как для каждого причинно-следственные связи могут быть различными. В случае Жени этот процесс связан с увеличением уровня собственной ответственности за то, что происходит. Глубина рефлексии ребенка больше, чем взрослого. Процесс осмысления воспринимаемого становится показателем погружения в тайну жизни. И его описание образует основной каркас текста «дематериализации прозы».

Сюжет повести охватывает достаточно короткий период переезда семьи Люверс из Перми в Екатеринбург. Он фрагментарен, обрывочен, лакунарен. Во многом это обусловлено стремлением автора включить читателя в диалог с собственным креативным сознанием и передать рефлексивность восприятия мира человеком.

Пространственно-временной континуум текста, в условиях которого формируется процесс восприятия героини, организуется несколькими ключевыми ко-

ординатами: «Люверс родилась и выросла в Перми» [13. Т. 2. С. 82]. «Мисс Hawthorn этого б не сделала» [Там же. С. 83]. «Поезд отходил поздно ночью» «Жизнь пошла по-новому» [Там же. С. 94]. «Лето прошло» [Там же. С. 98]. «В Екатеринбурге наступила зима». Чаще они занимают актуальные позиции начала глав и подглавок текста повести, представлены элементарными синтаксическими структурами с преимущественно бытийной семантикой, что формирует объективность, динамику и вместе с тем создает систему пространственно-временных координат, объединяющих текст и отражающих особенности монтажного принципа организации текста. Одновременно на уровне текста они выполняют стабилизирующую функцию, придают связность внешне раздробленному сюжету повести. Некоторые из них – «Мисс Hawthorn этого б не сделала», «Жизнь пошла по-новому» – мособым образом отражают субъективность пространственно-временной организации текста, вводя в него значимые для героини моменты, оставшиеся в ее памяти и во многом определившие ее мироощущение. С одной стороны, это усиливает фрагментарность текста. С другой – формирует модель отражения: событие обостряет восприятие, рождает образ, ощущение, которое надолго остается в памяти, интерпретируется героиней и готовит появление выводного знания.

Каждая из данных синтаксических конструкций вводит в текст ситуации, связанные с сильными эмоциональными переживаниями, ставшими значимыми для героини и определившими особенности ее миро-восприятия. Таких ситуаций в тексте несколько. Это Мотовилиха, история первой девичьей зрелости, Урал – граница между Европой и Азией, и одновременно граница между этапами жизни; несчастный случай с Цветковым и братцем.

Рассмотрим каждую из них: 1. «Мисс Hawthorn этого б не сделала... Вскоре и как-то незаметно на ее месте выросла какая-то чахлая французженка. **Имя** ее было утрачено совершенно... Она только помнила, что французженка сперва кричала на нее, а потом взяла ножницы и выстригла то место в медвежьей шкуре, которое было закровавлено. **Тот день тянулся страшно долго... Он был действительно долг...** Женя стала укладываться в постель и увидела, что **день долг** от того же, что и тот, и сначала подумала было достать ножницы и выстричь эти места в рубашке и на простыне, но потом решила взять пудры у французженки и затереть белым, и уже схватилась за пудреницу, как вошла французженка и ударила ее. Весь грех сосредоточился в пудре...

Так и запечатлелась у ней в памяти история ее первой девичьей зрелости:... французженка, горничная и доктор, две преступницы и один посвященный...» [Там же. С. 83].

2. «Женя затаила дыхание и сразу же ощутила быстроту этого безбрежного, забывшегося воздуха, и сразу же поняла, что та грозная туча – какой-то край, какая-то местность, что у ней есть громкое, горное имя, раскатившееся кругом... «**Это – Урал?**» – спросила она у всего купэ, перевесясь. Весь остаток

пути она, не отрываясь, провела у коридорного окна. Она приросла к нему и поминутно высовывалась. Она жадничала... Он окидывает их орлиным оком, немой и темный, он делает им **смотр**».

(IV часть первой главы)

Жизнь пошла по-новому....

«Чем же это – Азия?» подумала она вслух... И почему-то уверенная в том, что он, ее Урал, там, она повернулась и побежала в кухню через столовую... Она забыла, зачем вбежала, и не заметила, что ее Урала в Екатеринбурге нет» [13. С. 94].

Каждая из них представляет собой полипропози- тивный комплекс с семантикой восприятия и осмыс- ления некоего события. В сознании героини все они объединены внутренней логикой, основанной на случайности происходящего, они рожают шквал ассоциаций и продуцируют в конечном итоге выво- ды, часто не объективные, но вполне закономерные для ребенка. В процессе осознания воспринимаемого и превращения его в знакомое и понятное происхо- дит преобразование абстрактного образа в нечто конкретное, объект обретает имя, что в свою очередь означает его усвоение (принятие). Рассмотрим меха- низм проявления этой модели в тексте: «По летам жила на том берегу Камы на даче. Женю в те годы спать укладывали рано. Она **не могла видеть огней Мотовилихи**. Но однажды ангорская кошка, чем-то испуганная, резко шевельнулась во сне и раз- будила Женю. Тогда она **увидала** взрослых на бал- коне. Нависавшая над брусьями ольха была густа и переливчата, как чернила. Чай в стаканах был кра- сен. Манжеты и карты – желты, сукно – зелено. **Это было похоже на бред, но у этого бреда было свое название**, известное и Жене: **шла игра**.

Зато нипочем нельзя было определить **того, что** творилось на том берегу, далеко-далеко: у **этого не было названия и не было отчетливого цвета и точных очертаний; и волнующееся, оно** было ми- лым и родным и не **было бредом**, как **то**, что бор- мотало и ворочалось в клубах табачного дыма, бро- сая свежие, ветреные тени на рыжие бревна гале- реи. Женя расплакалась. Отец вошел и объяснил ей. Англичанка повернулась к стене. Объяснение отца было коротко:

– Это – Мотовилиха. Стыдно! Такая большая девочка... Спи» [Там же. С. 82].

Выдвижение ряда деталей: ольха, чай в стакане, манжеты, карты, сукно, – является проявлением принципа спецификации «шла игра». Этот принцип, по мнению Л.А. Фурс, предполагает индивидуальное осмысление события с выделением его деталей. Ба- зируется он на механизме когнитивной доминанты, действие которого заключается в том, что говоря- щий, ориентируясь на задачи коммуникации, должен определить наиболее значимую на данный момент информацию и передать ее наиболее оптимальными средствами [21. С. 82]. Таким образом, при констру- ировании события акцентируются различные его аспекты, что находит отражение в выборе соответ- ствующих синтаксических средств.

Мы видим направленное снизу вверх движение (ребенок встает), синтаксические конструкции ста-

новятся менее распространенными, предикат утрачивает связочный глагол *карты – желты, сукно – зелено*, порядок следования компонентов в предложении чаще сохраняется. Наличие признаков параллелизма проявляется в прямом порядке слов, что задает ритмичность повествования. Соприкосновение с новым пространством всегда связано с появлением чувства страха, тревожности, неуверенности. Отсутствие четких признаков воспринимаемого объекта провоцирует использование в тексте местоименных субъектно-объектных актантов: *нельзя было определить того, что творилось; у этого не было названия; и оно было милым*. «Девочка ничего не поняла и удовлетворенно сглотнула катившуюся слезу. Только это ведь и требовалось: узнать, как зовут непонятное, – *Мотовилиха... имя... имело по-детски успокоительное значение*» [13. С. 82]. Обретение имени – объективация неизвестного – становится показателем взросления героини и повторяется в тексте каждый раз, когда объект восприятия либо приобретает, либо утрачивает ценность. Так происходит в случае с француженкой, имя которой «*было утрачено совершенно*»; Уралом «*местность, что у ней есть громкое, горное имя, раскатившееся кругом, с камнями и с песком сброшенное вниз в долину; что орешник только и знает, что шепчет и шепчет его; тут и там и та-ааа вон; только его*. «*Это – Урал?*»; погибшим Цветковым «*Оно (чувство) лежало вне ведения девочки, потому что было жизненно важно и значительно, и значение его заключалось в том, что вошел другой человек, третье лицо, совершенно безразличное, без имени или со случайным, не вызывающее ненависти и не вселяющее любви, но то, которое имеют в виду заповеди, обращаясь к именам и сознаниям*» [Там же. С. 128].

Процесс восприятия как категория познания в повести показывает особенности детского восприятия, которое в психологии трактуется как отражение человеком предмета или явления в целом при непосредственном воздействии на органы чувств. Восприятие, как и ощущение, связано, прежде всего, с тем анализаторным аппаратом, через который мир воздействует на нервную систему человека. Однако восприятие больше, чем сумма ощущений. Для адекватного восприятия предмет должен быть уже знаком человеку, ему должна быть известна определенная группа предметов, к которой относится данный, должно быть известно слово, обозначающее эту группу предметов. Результатом процесса восприятия и осмысления становится выводное знание: «*В это утро она вышла из того младенчества, в котором находилась еще ночью*» [Там же. С. 83]. Это одновременно и своеобразный итог, и начало нового этапа жизни. Обобщенность восприятия на начальном этапе, связанная с неизвестностью объекта, на языковом уровне выражается с помощью местоимения ЭТО, выполняющего в тексте и заместительную, и дейктическую, и номинативную функцию одновременно, что говорит о единстве дейксиса и номинации. Причем степень его дейктичности в разных контекстах будет разной.

Под дейксисом в общем смысле понимается класс языковых явлений, интерпретация которых предполагает знание условий экстралингвистической ситуации, в которой осуществляется акт речи, или контекста.

Специфика употребления местоимения *это* в тексте повести заключается в том, что оно содержит указание говорящего на референт, представление о котором уже существует в сознании читателя. Поэтому действительность отражается через призму сознания и чувств не только автора, но и читателя. Степень эмоционального воздействия увеличивается за счет объединения различных эмпирических баз (эмоционально-эмпирический дейксис). «*Она, путаясь в словах, непохоже и страшно рассказала матери про это. Мать дала договорить ей до конца только потому, что ее поразило, сколько души вложил ребенок в это сообщение. Понять поняла-то она все по первому слову. Нет, нет: по тому, как глубоко глотнула девочка, приступая к рассказу. Мать слушала, радуясь, любя и изнывая от нежности к этому худенькому тельцу.... На другое утро мать сказала ей, что нужно будет делать в таких случаях и что это ничего, не надо бояться, что это будет не раз еще. Она ничего не назвала и ничего ей не объяснила, но прибавила, что теперь она сама займется предметами с дочерью, потому что больше уезжать не будет*» [13. С. 88].

Местоимение *это* может занимать позицию как субъектного, так и объектного актанта. На его семантическое наполнение оказывает влияние языковая картина мира, опыт. Функциональность местоимения *это* расширяется за счет смены синтаксической позиции: объектный актант, сирконстант, субъектный актант, который замещается отрицательным местоимением в функции объектного актанта *ничего*. В тексте возникает оппозиция: Женя (*страшно рассказала про это*) и Мать (*это сообщение, первое слово, рассказ, это ничего, не надо бояться, будет еще не раз*). *Это* не обретает имени, поэтому не становится понятным, близким, родным, оставаясь лишь ощущением и состоянием. Появляющийся в тексте авторский вывод завершает очередной этап взросления: «*Из первобытного младенчества дети уже вышли. Понятия кары, воздаяния, награды и справедливости проникли уже по-детски в их душу и отвлекали в сторону их сознание, давая жизни делать с ними то, что она считала нужным, веским и прекрасным*» [Там же. С. 89].

Оставаясь верным основному положению, определенному в тексте как «жизнь посвящает очень многим в то, что она делает с ними», формируется семантика погруженности в определенные обстоятельства, что отражает специфику восприятия. «*Это началось еще летом. Ей объявили, что она поступит в гимназию. Это было только приятно. Но это объявили ей. Она не звала репетитора в классную, где солнечные колера так плотно прилипали к выкрашенным клеевой краской стенам, что вечеру только с кровью удавалось отодрать пристававший день. Она не позвала его, когда, в сопровождении мамы, он зашел сюда знакомиться «со своей буду-*

щей ученицей». **Она не назначала** ему нелепой фамилии Диких. **И разве это она того хотела**, чтобы отныне всегда солдаты учились в полдень, крутые, сопатые и потные, как красная судорога крана при порче водопровода, и чтобы сапоги им отдавливала лиловая грозовая туча, знавшая толк в пушках и колесах, куда больше их белых рубах, белых палаток и белейших офицеров? **Просила ли она о том, чтобы теперь всегда две вещи: тазик и салфетка, входя в сочетание, как угли в дуговой лампе, вызывали моментально испаряющуюся третью вещь: идею смерти, как та вывеска у цырюльника, где это случилось с ней впервые? И с ее ли согласия красные, “запрещающие останавливаться” рогатки, стали местом каких-то городских, запретно останавливавшихся тайн... Тупо, ломотно и тускло, как бы в состоянии вечного протрезвления, попадали элементы будничного существования в завязывающуюся душу. Они опускались на ее дно, реальные, затверделые и холодные, как сонные оловянные ложки. Там, на дне, это олово начинало плыть, сливаясь в комки, капая навязчивыми идеями»** [13. С. 96].

Остранение, неприятие происходящего вызывает в сознании мыслительное кружение, выражающееся на уровне синтаксических структур: В инициальном предложении субъектный актанта *Это* выполняет функцию эмоционального дейксиса, семантика которого раскрывается в структуре анализируемого полипропозитивного комплекса. Возникает ряд семантически объединенных пропозиций, имеющих различную структуру.

В результате реализуется монтажный принцип построения фрагмента текста. *ЭТО* аккумулирует и проспекцию и ретроспекцию текста. Синтаксическая конструкция неопределенно-личного предложения *Ей объявили* трансформируется на протяжении всего фрагмента. Способы трансформации являются прагматически характеризованными. Значима семантика противительного союза *НО*, который формирует логическую модель непонимания. С другой стороны, является показателем сложного логического суждения. Которое вводит в текст ряд параллельных синтаксических структур, построенных по модели СПП с повторяющимся предикатом *не просила, не назначала...* трансформирующихся в вопросительные конструкции *И разве, И с её ли согласия, Просила ли она*. В результате обобщенная семантика *ЭТО* распадается на совокупность частных событий, собранных в едином фрагменте. *ЭТО* становится впечатлением, ощущением. Оно существует по каким-то странным законам, основанным на случайных, но повторяющихся событиях. Случайность происходящего актуализирует в тексте алетическую модальность. В результате выводное знание превращает эмоцию в факт, и это необходимо принять: *«Перестав быть поэтическим пустячком, жизнь забродила крутой черной сказкой постольку, поскольку стала прозой и превратилась в факт»* [Там же. С. 97]. Структурная значимость этого фрагмента важна с точки зрения механизма осмысления и формирования выводного знания (собственной виновности в

случившемся), к которому приходит героиня в финале повести.

Ситуация с гибелью Цветкова и братца лишь фрагментарно намечается в тексте, существует как часть общего процесса осмысления происходящего и становится основным показателем взросления героини. Она моделируется как тема в вариациях, состоит из нескольких фрагментов, каждый из которых является условием для появления значимого для героини смысла. Параллельно намечается еще одна тема, связанная с беременностью матери. Схематично их можно представить следующим образом:

1. Первая случайная встреча с хромым: *«Хромой», – подумала она про незнакомца с альбомом, – «хромой, а из господ, без костылей».*

2. Почти одновременно формируется другой ассоциативный ряд: *«Вдруг ей пришло в голову что-то странное. Она шагнула через две ступеньки и задержалась на третьей. Ей пришло в голову, что с недавнего времени между мамой и дворничихой завелось какое-то неуследимое сходство».*

3. Объединение обозначенных тем происходит в диалоге матери и Нигарата: *«Часть книг я оставляю у Цветкова. Это тот приятель, о котором я вам столько рассказывал. Пожалуйста, пользуйтесь ими и дальше, madame. Ваш сын знает, где я живу, он бывает в семье домовладельца, а свою комнату я передаю Цветкову. Я его предупрежу. – Пусть заходит, – Цветков, вы говорите? «Цветков».*

4. Встреча в магазине. *«Диких был не один, вслед за ним вышел невысокий человек, который ступая старался скрыть, что припадает на ногу. Жене показалось, что она уже видала его где-то раз. (Но где ж это она его видала? Давно. Но где? Верно, в Перми, в детстве.)*

– Постой! – У Сережи случилась неприятность. Он опустил на одно колено. – погоди.

– погоди, не нашел, где. Я знаю того хромого. Ну вот. Слава Богу».

5. Случайно возникшая мысль Жени: *«Смутные ее предчувствия сбылись, и мама беременна».*

6. Преследующий героиню образ уже погибшего Цветкова: *«Тогда она увидела его. Она сразу его узнала по силуэту. Хромой поднял лампу и стал удаляться с ней. ... Было странно, что Цветков продолжает попадаться ей на глаза и здесь, в слободе. Но Женю это не удивило. Он ее мало занимал».*

Так линия, пунктирно, но неоднократно намеченная в тексте, появляется сначала в догадках героини, потом в рассказе доктора (в форме ДЕ) и репетитора Диких. Незначительное становится знаковым в системе случайных обстоятельств. Этот процесс обусловлен не только рефлексивностью восприятия мира и simultанностью мышления, но и стремлением автора включить читателя в сложный диалог с собственным креативным сознанием.

В результате на уровне макротекста выстраивается сложная ассоциативная цепочка, построенная героиней на основе случайного стечения обстоятельств и желания установить между ними причинно-следственную логическую связь, которая невозможна с точки зрения здравого смысла. *Лермонтов (кни-*

га, которую читает Женя в момент первой встречи с хромым), хромой, Цветков, Лермонтов (книга, которую хочет предложить репетитор для чтения в финале повести). Реализуется принцип гештальтности, сущность которого заключается в том, что человеческим мышлением устанавливаются логические связи между отдельными фрагментами объективной действительности, и на основе коррелирующих связей эти фрагменты соотносятся друг с другом в структуре одного целого. Результатом этой ментальной операции является конструируемое событие. Важнейшее место в этом процессе занимает прием когнитивной доминанты, который позволяет раскрыть процессы обработки информации. В самом процессе конструирования задействованы операции схематизации отношений между его составляющими [21. С. 82].

На основе возникшей ассоциативной цепочки формируется вывод:

«Он ошибался. То впечатление, которое он предположил, к делу нисколько не шло. Он не ошибся. Впечатление, скрывавшееся за всем, было неизгладимо. Оно отличалось большею, чем он думал, глубиной... Оно лежало вне ведения девочки, потому что было жизненно важно и значительно, и значение его заключалось в том, что в ее жизнь впервые вошел другой человек, третье лицо, совершенно безразличное, без имени или со случайным, не вызывающее ненависти и не вселяющее любви, но то, которое имеют в виду заповеди, обращаясь к именам и сознаниям, когда говорят: не убий, не крадь и все прочее. "Не делай ты, особенный и живой, – говорят они – этому, туманному и общему, того, чего себе, особенному и живому, не желаешь". Всего грубее заблуждался Диких, думавши, что есть имя у впечатлений такого рода. Его у них нет.

А плакала Женя оттого, что считала себя во всем виноватой. Ведь ввела его в жизнь семьи она в тот день, когда, заметив его за чужим садом, и заметив без нужды, без пользы, без смысла, стала затем встречать его на каждом шагу, постоянно, прямо и косвенно и даже, как это случилось в последний раз, наперекор возможности» [13. С. 128].

Возникает конфликт между субъективным и объективным, внешним и внутренним, осязаемым и вообразимым. Невозможность установить причинно-следственные связи в тексте выражается на синтаксическом уровне низкой частотностью употребления союзных средств связи *от того* и *потому что* (всего 15 употреблений). Только один раз в конце повести *оттого* формирует структуру СПП с придаточным причины, отражающим состояние героини.

Выведенное героиней знание, возникшее на основе ментальных операций над имеющимися фактами, и есть для нее важнейшее направление познания. В ее сознании складывается система ситуаций, реализующая определенное содержание, в котором все единицы должны быть связаны, а между целым и образующими его элементами, отношениями и связями существует взаимная зависимость, при которой воз-

можные изменения элементов и отношений сказываются на всем целом и ведут к его изменениям. На этой основе формируется категория утверждения.

В результате читатель не просто наблюдает механизм двойного кодирования рефлексии авторского сознания на реалии окружающего мира (глазами взрослого человека и глазами ребенка), а и сам вовлекается в него.

Важно отметить, что особенность детского восприятия заключается в том, что движение происходит от общего к частному, общее равно неизвестности, процесс осмысления действительности пошаговый, используется принцип симметрии: встреча с одним и тем же объектом, но его различное восприятие, зависящее от возраста, времени суток, настроения. Например, восприятие образа хромого и изменение отношения к нему с возрастом: сначала некое неприятие: «Хромой, – подумала она про незнакомца с альбомом, – хромой, а из господ...» [13. С. 101], в конце повести – болезненная реакция ребенка на смерть Цветкова: «Женя вскрикнула не своим голосом и бросилась вон из комнаты». «Чем объяснить этот избыток чувствительности? – размышлял Диких. Очевидно, покойный произвел на эту маленькую женщину особо глубокое впечатление, которому есть свое имя» [Там же. С. 128].

Это объясняется эволюцией процесса восприятия. Суть её заключается в том, что первоначальное фрагментарное восприятие (узнавания) отдельных предметов, не связанных между собой, переходит в стадию поиска и выявления функциональных связей, а затем и к раскрытию более сложных отношений между предметами и явлениями, их причинами, связями, целями, обстоятельствами. Наконец, через призму собственного опыта объект получает новое, не всегда правильное истолкование. Ложная субъективность понимания воспринимаемого и придает ему особую ценность и уникальность. Возникает динамика восприятия, когда «полное восприятие предмета возникает как результат сложной аналитико-синтетической работы, выделяющей одни существенные и тормозящей другие несущественные признаки, и комбинирующей воспринимаемые детали в одно осмысленное целое» [22. С. 45]. Субъективность и нелогичность осмысленного целого делает восприятие незавершенным, но принимаемым на определенном этапе. В результате происходит процесс постоянного движения мысли от восприятия общего к его разложению на составляющие и их анализу, затем снова к целой картине и вновь к выявлению все более мелких и ранее не замеченных деталей, которые позволяют глубже понять образ мыслей героини и реализовать индуктивно-дедуктивную модель восприятия и осмысления.

Таким образом, прагматическая установка автора на воссоздание особого способа восприятия и освоения происходящего юной героиней повести, «глубина биографического отпечатка» определяют особенности когнитивного моделирования ситуации восприятия в тексте.

Ситуации восприятия, представленные системой взаимосвязанных полипропозитивных ком-

плексов, становятся организующим смысловым и структурным центром повести «Детство Люверс». В пространственно-временном континууме текста они организуется несколькими ключевыми координатами:

Семантика полипропозитивных комплексов определяется особенностью механизмов работы памяти, хранящей наиболее яркие впечатления. Текстообразующая функция полипропозитивных комплексов заключается в способности двигать сюжет путем нанизывания новых смыслов, стабилизировать его фрагментарность и лакуарность.

Внутренняя структура полипропозитивных комплексов с семантикой восприятия отражает особенности процесса постижения мира ребенком и основывается на индуктивно-дедуктивной модели освоения действительности, обращенной к факту и его обобщению. Факт становится знаком как только приобретает имя в системе случайных, но значимых для героини обстоятельств. Случайность, с одной стороны, усиливает прерывность текстового пространства. С другой стороны, отражает специфику проявления субъектных отношений в тексте, в результате чего возникает конфликт между субъективным и объективным, внешним и внутренним, осязаемым и воображаемым при невозможности установления причинно-следственных связей.

Особую роль в моделировании ситуации восприятия имеет выводное знание, возникшее на основе ментальных операций над воспринимаемыми факта-

ми. Оно становится для героини важнейшим направлением познания. Выбор события и закрепление его в сознании героини обусловлены механизмами работы памяти, ее симультанностью, основанной на силе впечатления. В сознании героини складывается система событий, в которой все элементы, отношения непременно должны быть взаимосвязаны. Все возможные изменения элементов и отношений ведут к изменению целого.

Эволюция процесса восприятия в повести «Детство Люверс» заключается в том, что первоначальное фрагментарное восприятие (узнавание) отдельных предметов, не связанных между собой, переходит в стадию поиска и выявления функциональных связей, а затем и к раскрытию более сложных отношений между предметами и явлениями, их причинами, связями, целями, обстоятельствами. На этой основе формируется выводное знание. Его ошибочность и нелогичность придает ему особую ценность и уникальность, делает восприятие незавершенным, но единственно возможным на данном этапе. Происходит процесс постоянного движения мысли от восприятия общего к его разложению на составляющие и их анализу. Процесс когнитивного моделирования ситуации восприятия позволяет глубже понять образ мыслей героя и автора и дает возможность читателю не просто наблюдать механизм двойного кодирования рефлексии автора и героя на реалии окружающего мира, а и самому вовлекается в процесс моделирования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Термин «макроситуация» трактуется в статье узко, как ситуация конкретного текста. Макроситуация состоит из текстовых ситуаций, репрезентирующих концептуальные ситуации через комплекс языковых средств, сосредоточенных в композиционно- и структурно-целостном полипропозитивном комплексе (фрагменте текста) или рассредоточенных по текстовой ткани.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.
2. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 230 с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 556 с.
4. Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962. 192 с.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 2000. 308 с.
6. Братчикова Е.А. Отражение звучащей действительности в языковой картине мира (на материале англоязычной и русской поэзии начала XX века) // Альманах современной науки и образования: в 3 ч. Тамбов, 2007. Ч. III. С. 35–38.
7. Демешкина Т.А. Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкой поэзии и в ее русских переводах: От романтизма к модернизму : материалы российско-германского семинара (24–28 апреля 2006 г.). Томск, 2006. С. 9–18.
8. Двизова А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 23 с.
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : МГУ им. Ломоносова, 2004. 528 с.
10. Авдвинина О.Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 948 с.
11. Падучева Е.С. К структуре семантического поля «восприятие» // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–44.
12. Апресян Ю.Д. Видеть I.I // Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997. Вып. I.
13. Пастернак Б. Миры. Собрание сочинений: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 82–12.
14. Лакофф Д. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1997. С. 143–183.
15. Мартынова И.А. Кинематограф русского текста. СПб. : Свое издательство, 2011. 239 с.
16. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153–211.
17. Fauconnier G and M.Turner Mental Spaces: Conceptual Integration Networks // Cognitive Linguistic: Basis Readings / ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH Co. KG, 2006. P. 183–204.
18. Ковальчук Л.П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фольконе и М. Тернера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 97–101.
19. Грудева Е.В., Соловьева С.А. Синтаксический повтор как средство монтажного принципа организации текста // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 12–16.

20. Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5 т. М. : Филин, 1991. Т. 4. С. 807.
21. Фурс Л.А. Когнитивное моделирование синтаксиса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 81–85.
22. Лурья А.Р. Психология ощущения и восприятия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 217 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 ноября 2019 г.

Cognitive Simulation and Perception Situation (On the Material of Boris Pasternak's Story *Zhenia's Childhood*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 449, 55–63.

DOI: 10.17223/15617793/449/7

Svetlana A. Solovyeva, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation) E-mail: ssa_doc@mail.ru

Keywords: cognitive modelling; perception situation; macrosituation of text; polypropositional complex; inductive-deductive model; text-forming potential.

The aim of the article is to identify the special role of the situation of perception in cognitive modelling and its text-forming potential. The study is based on the material of Boris Pasternak's novelette *Zhenia's Childhood*. Its plot is fragmentary and lacunar. Perception is the initial stage of cognition; it does not change the world, but it changes the perceiver. This determines the features of cognitive modelling in the story. Under the influence of memory mechanisms, perception situations determine the strategy for implementing the author's intention and form the meaning and the structure of the text. The methods of linguistic, interpretative and cognitive analysis of the text made it possible to use the concept of a polypropositional complex as the main unit of analysis. In terms of expression, it is a collection of sentences. In terms of content, it is the "mental model of the event". In terms of functional features, the polypropositional complex approaches the concept of a montage fragment. The study confirms the hypothesis that polypropositional complexes with the semantics of perception form the basis of the structure of the text's macro-situation. Their choice is due to the features of the memory mechanism, which stores moments associated with the most powerful impressions. In the space-time continuum of the text, they are organised by several key coordinates. The semantics of the perceptual situation is complicated by reflection, which shows the character's growing-up. For Zhenia, the growing-up is associated with an increase in the level of responsibility for what is happening. The understanding of the perceived becomes an indicator of immersion into the secret of life. The internal structure of polypropositional complexes is based on an inductive-deductive model. Facts become signs when they acquire names in circumstances random but important for the character. Incidents reinforce the discontinuity of the text and reflect the specifics of subjective relations' manifestation in the text. The evolution of perception in the novelette lies in the fact that the initial fragmentary perception of individual objects transforms into searching and revealing functional connections, and then into revealing more complex relationships between objects and phenomena, causes, connections, goals, circumstances. As a result, a logical conclusion is formed. Its irrationality gives it special value. Perception is incomplete but only possible at this stage. The cognitive modelling of the situation of perception allows to better understand the character's and the author's ways of thinking, enables the reader to be involved in the modelling process.

REFERENCES

1. Bondarko, A.V. (2004) K voprosu o pertseptivnosti [On Perceptivity]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [acred Meanings: Word. Text. Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. pp. 276–282.
2. Neisser, U. (1981) *Poznanie i real'nost'*. *Smysl i printsipy kognitivnoy psikhologii* [Cognition and Reality. Principles and Implications of Cognitive Psychology]. Translated from English. Moscow: Progress.
3. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochkii zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gain Knowledge of the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Cognition of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Revzin, I.I. (1962) *Modeli yazyka* [Language Models]. Moscow: USSR AS.
5. Dijk, T.A. van. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Moscow: Progress.
6. Bratchikova, E.A. (2007) Otrazhenie zvuchashchey deystvitel'nosti v yazykovoy kartine mira (na materiale angloyazychnoy i russkoy poezii nachala XX veka) [Reflection of the Sounding Reality in the Linguistic Picture of the World (Based on the Material of English and Russian Poetry of the Beginning of the 20th Century)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 3 (3). pp. 35–38.
7. Demeshkina, T.A. (2006) [Perception Models in a Poetic Text as a Way of Interpreting the World]. *Evropeyskiy interlingvizm v zerkale literatury: Kartina mira v nemetskoy poezii i v ee russkikh perevodakh: Ot romantizma k modernizmu* [European Interlinguism in the Mirror of Literature: A Picture of the World in German Poetry and Its Russian Translations: From Romanticism to Modernism]. Proceedings of the Russian-German Seminar. 24–28 April 2006. Tomsk: Tomsk State University. pp. 9–18. (In Russian).
8. Dvizova, A.V. (2014) *Situatsiya chuvstvennogo vospriyatiya i sposoby ee yazykovoy reprezentatsii v poezii B.L. Pasternaka* [The Situation of Sense Perception and the Ways of Its Linguistic Representation in the Poetry of B.L. Pasternak]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
9. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Moscow State University.
10. Avdevnina, O.Yu. (2014) *Kategoriya vospriyatiya i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Perception and Means of Its Expression in Modern Russian]. Philology Dr. Diss. Moscow.
11. Paducheva, E.S. (2001) K strukture semanticheskogo polya "vospriyatie" [On the Structure of the Semantic Field "Perception"]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 23–44.
12. Apresyan, Yu.D. (1997) Videt' I.I. [See I.I.]. In: Apresyan, Yu.D. et al. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
13. Pasternak, B. (1991) *Miry. Sbornik sochineniy: v 2 t.* [Worlds. Collected Works: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Panorama. pp. 82–12.
14. Lakoff, G. (1997) Kognitivnoe modelirovanie [Cognitive Modelling]. Translated from English. In: Petrov, V.V. (ed.) *Yazyk i intellekt* [Language and Intelligence]. Moscow: Progress. pp. 143–183.
15. Mart'yanova, I.A. (2011) *Kinematograf russkogo teksta* [Cinematography of the Russian Text]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
16. Dijk, T.A. van & Kintsch, W. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Understanding a Coherent Text]. Translated from English. In: Petrov, V.V. & Gerasimov, V.I. (eds) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Is. 23. Moscow: Progress. pp. 153–211.

17. Fauconnier, G & Turner, M. (2006) Mental Spaces: Conceptual Integration Networks. In: Geeraerts, D. (ed.) *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Mouton de Gruyter. pp. 183–204.
18. Koval'chuk, L.P. (2011) Gilles Fauconnier and M. Turner's Theory of Conceptual Integration. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1 (8). pp. 97–101. (In Russian).
19. Grudeva, E.V. & Solov'eva, S.A. (2017) Syntactic Repetition as a Means of Text Montage Structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 12–16. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/2
20. Pasternak, B. (1991) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: In 5 Vols]. Vol. 4. Moscow: Filin. p. 807.
21. Furs, L.A. (2007) Cognitive Modeling in Syntax. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4 (013). pp. 81–85. (In Russian).
22. Luriya, A.R. (1975) *Psikhologiya oshchushcheniya i vospriyatiya* [Psychology of Sensation and Perception]. Moscow: Moscow State University.

Received: 07 November 2019